Исторический вестник. 2023. Т. XLVI
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.011

Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, Д.Е. Мартынов

НАУЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ КАЗАНСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В АЗИАТСКУЮ РОССИЮ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Изучение феномена путешествия и экспедиции на Восток и их типологии имеют огромное значение для оценки направлений и итогов развития практического (военного, дипломатического), академического и университетского востоковедения XIX–XX вв. Можно выделить несколько взаимосвязанных типов научных путешествий и экспедиций, выполнявших торгово-экономические, военно-политико-дипломатические, научно-исследовательские и образовательные, религиозно-просветительские задачи и цели.

Геополитические, социокультурные и научно-образовательные цели и факторы влияли на феномен востоковедческих путешествий и формирования оригинального пласта источников-травелогов (книги и дневники путешествий, путевые записи и заметки, письменные тексты, описывающие быт, культуру, историю народов Русского Востока и зарубежного Востока). Служение идее целевой востоковедческой подготовки в период путешествия, научно-исследовательской, просветительской деятельности и гуманистические ценности — значимые составляющие путешественников из Казанского университета и других институциональных центров. Также заметны другие профессиональные, культур-

ные и этнонациональные факторы развития путешествий на арабо-мусульманский Восток и в Центральную Азию. В целом путешествия и экспедиции стали важным фактором развития востоковедения и социокультурного прорыва на восток Российской империи и зарубежный Восток. Университетские программы и инструкции путешествий на Восток и особенно периоды образовательной (изучение восточных языков и др.) и разнообразной исследовательской деятельности путешественников сформировали гуманистическую парадигму и культурную цель.

Востоковедение в Казани и России: центры, востоковеды и наследие

Историко-культурным и образовательным символом является начало преподавания татарского языка в Первой Казанской гимназии в 1769 г., которая на начальном этапе создания была частью Московского университета. Это событие органично вплетено в историю российского и зарубежного востоковедения и является особенной неотъемлемой составляющей цивилизационного и культурного взаимодействия России–Востока–Запада Нового и Новейшего времени. Преподавание языков народов России и различных языков зарубежного Востока в общеобразовательных школах и университетах отвечало запросам и интересам государства и общества. Комплексные и планомерные исследования истории, этнографии, материальной и письменной культуры народов древнего и современного Востока формировали перспективную шкалу национальных интересов, приоритетные материальные и духовные ориентиры многонационального Российского государства и общества. Востоковедение в России сыграло важную роль в развитии таких значимых составляющих национальной идеи, как сохранение языка и культур народов и этносов; прав личности; развитие геополитических, политических, экономических, культурных и интеллектуальных интересов; поиск своего места в мировой цивилизации. Это гуманитарное направление обеспечивало усиление позитивных процессов в национальном сознании, раскрывало историко-культурные устремления и в целом историческую мечту многих народов России и Востока.

Поволжье и Приуралье, и прежде всего, крупный экономический, политический и культурный центр — Казань, на протяжении многих веков играли ведущую роль в военно-политическом и историко-культурном взаимодействии России со странами и народами Востока. Эти

геополитический и культурный факторы стали основополагающими в формировании и развитии востоковедения в Казанском университете.

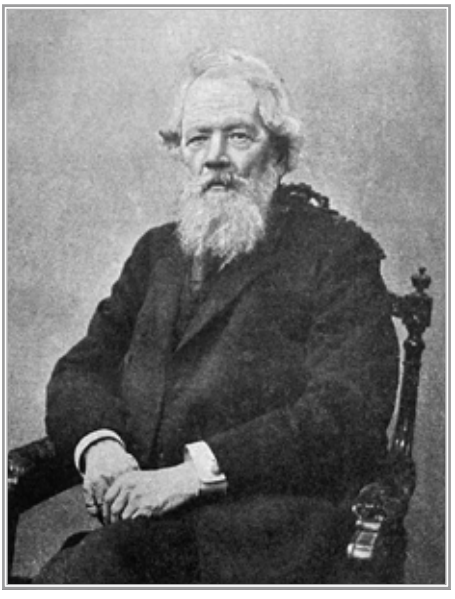
В XVI–XIX вв. регионы и народы Востока постепенно входили в состав формирующейся Российской империи (Волго-Уральский регион, Сибирь, Крым, Дальний Восток, Кавказ, Центральная Азия), и эти сложные процессы вхождения народов и этносов с различными религиями и культурами ставили задачи изучения и познания друг друга. Казанский университет в XIX — начале XX в. и другие российские академические и университетские центры играли ведущую роль в формировании объективных представлений и знаний об истории и культуре народов Востока.

Университетские путешествия из Казани на Русский Восток и в зарубежную Азию в первой половине XIX в. становились органичной составляющей российских центров востоковедения и базой формирования уникальных научно-исследовательских и образовательных институтов, в которых велись исследования классических и современных проблем и реализации образовательных программ.

В декабре 1829 г. известный монголовед и тибетолог академик Я.И. Шмидт в своей инструкции на немецком языке «...для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы», посвященной членам 11-й Российской православной духовной миссии в Пекине, писал: «Не говоря уже о политических видах, которые сами по себе, по причине географического положения России и близкого ея соприкосновения с большею частию важнейших восточных государств, требуют точнейшего познания сих стран, обитающих в оных народов, их нравов, обычаев и религии, равно как и древней и новой истории, и литературы, и в особенности разных употребляемых ими языков, — не говоря уже об этом, самая жажда новых открытий на сем обширном и плодоносном поле, содержащем столь много нового, полезного и любопытного, должны бы воспламенить ревность российского юноши и возбудить в нем живейшее усердие воспользоваться сим ближайшим и удобнейшим случаем, чтобы на сем достославном пути возвысить блеск и славу своего отечества и в то же время уготовить и собственному своему имени почетное место наряду с именами славных мужей учености вообще и восточной литературы в особенности»[1].

---

[1] *Додеус М.Н.* «Инструкция для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» Я.И. Шмидта как памятник эпохи // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 2 (вып. 53). С. 101.



Василий Павлович Васильев

Российская ориенталистика способствовала установлению тесной связи и взаимодействия российского общества с Азиатским миром, углублению государственных и культурных взаимодействий с Русским Востоком и зарубежным Востоком. Разнообразный востоковедный, страноведческий и историко-культурный материал, формируемый в российском государственном и общественном сознании, также постановка проблемы «Россия–Восток–Запад» оказывали существенное влияние на традиционное теологическое, историко-философское осмысление судьбы и миссии России в истории и культуре человеческой цивилизации Востока.

В наследии российского востоковедения в формировании объективных научных и гуманистических знаний об истории и культуре народов Востока и признании его исторического и культурного разнообразия важную миссию выполняли научные путешествия, в том числе из императорского Казанского университета в 1807–1854 гг. до перевода его восточного разряда и создания Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Историко-культурное пространство Волго-Уральского региона с его ведущими политическими и культурными центрами — Казанью и Казанским университетом и, в частности, путешествия на Восток сыграли важную роль в цивилизационном взаимодействии России–Востока–Запада.

На рубеже реорганизации в 1855 г. один из официальных документов Казанского университета сообщал: «Главную и существенную по-

требность края, для которого Казань служит средоточием, составляют мусульманские языки: в этом случае восточный факультет при Казанском университете как относительно своих преподавателей, так относительно и воспитанников и учебных пособий вполне удовлетворяет всем требованиям, распространяя вместе с практическим знанием мусульманских языков основательное и верное знакомство с историей и настоящим положением мусульманского Востока...»[2]

Первая половина — середина XIX в. была временем, когда востоковедение в России и Европе выделилось в самостоятельные дисциплины и науку. Это произошло благодаря формированию и развитию востоковедения в России — преподавание, знание и изучение восточных языков, сбор и исследование восточных рукописей, грамматическое и лексикографическое изучение языков народов Азии, сравнительное языкознание, научные путешествия, комплекс филологических и культуроведческих методик, создание каталогов восточных рукописей и книг и т.д.

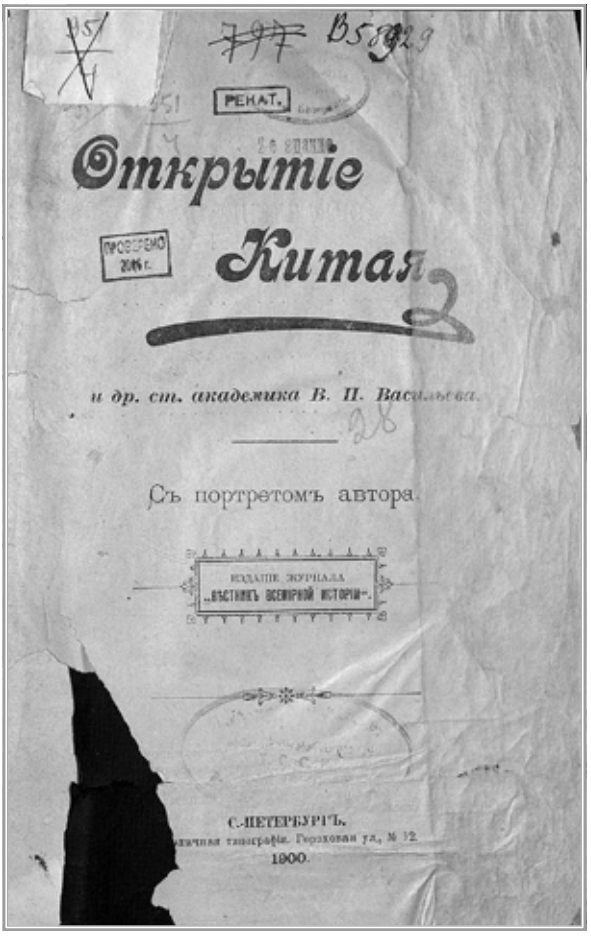
Один из первых историков отечественного востоковедения А. Рихтер отмечал, что «могущество России в Азии должно поощрять сынов ея более, нежели других европейцев, к приобретению сведений о произведениях сей обширной страны и населяющих оную народах». И далее он писал: «Но между тем, как наши познания об Азии непрестанно увеличиваются, история и словесность восточных народов не вдохнули еще в нас охоты к познанию сих предметов любопытных и богатых»[3]. В его публикации пристальное внимание обращалось на важные и примечательные факты «изучения восточных языков и словесности» — роли путешествий на Восток, о деятельности Пекинской духовной миссии, классах восточных языков в гимназиях, основании Лазаревского института и кафедр восточных языков в университетах, собирании восточных рукописей и книг, пособиях и грамматиках азиатских языков, преподавательской и научной деятельности отечественных востоковедов и т.д.

Казанское востоковедение претерпело крупные учебные и научно-организационные изменения, особенно на первом этапе институционального развития, т.е. в первой половине XIX в. В результате масштабных правительственных и внутриуниверситетских мероприятий к середине XIX в. разряд восточной словесности стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. Востоковедение в университете

---

[2] Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 6902. Л. 57.

[3] *А.Р.(Рихтер А.Ф.)*. О состоянии восточной словесности в России // Азиатский вестник. 1825. Кн. 7–12. С. 81–82.



Обложка работы академика В.П. Васильева «Открытие Китая». *1900 г.*

приобретает официальный дисциплинарный статус благодаря первому уставу императорского Казанского университета, который определил на отделении словесных наук штатную должность профессора восточных языков. Историк университета Н.П. Загоскин в начале XX в., выделяя характерную особенность структур, отмечал, что «...на отделении словесных наук положена — ввиду исключительного положения Казанского университета — самостоятельная кафедра восточных языков»[4].

Востоковедение в Казанском университете приобретает самостоятельный дисциплинарный статус и становится значимой областью научного знания, просветительства и гуманизма. В середине XIX в. выделяется предметная, методологическая и методическая, а также институциональная обособленность востоковедного направления от других

[4] *Загоскин Н.П.* История императорского Казанского университета. Казань, 1902. Т. 1. С. 11.

гуманитарных наук в российских университетах. Формируются устойчивое профессиональное, компетентное сообщество ориенталистов и коммуникативная среда обучения, воспитания и профессионального общения.

Развиваются характерная и устойчивая взаимосвязь между региональными направлениями и дисциплинами (тюркология, арабистика, синология и др.), особые образовательные и исследовательские институты (разряд восточной словесности, кафедра восточной словесности и т.д.), социальный тип преподавателей и ученых — востоковедов. Университетская ориенталистика формируется как определенный образовательный, исследовательский, просветительский и в целом как историко-научный и социальный феномен. В основе университетской ориенталистики развиваются комплексные программы и дисциплины, издаются учебно-методическая и научная литература, создаются общества, организуются научные экспедиции и путешествия, связанные с Азией/Востоком. В первой половине XIX в. Казань и особенно университет становятся одним из центров по организации изучения восточных языков и в целом Востока в России и Европе. Один из основоположников казанского университетского востоковедения — О.М. Ковалевский — в «Кратком обозрении хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете» отмечал, что Казань «в последнее десятилетие... после столицы приобрела известность как рассадник азиатской учености»[5].

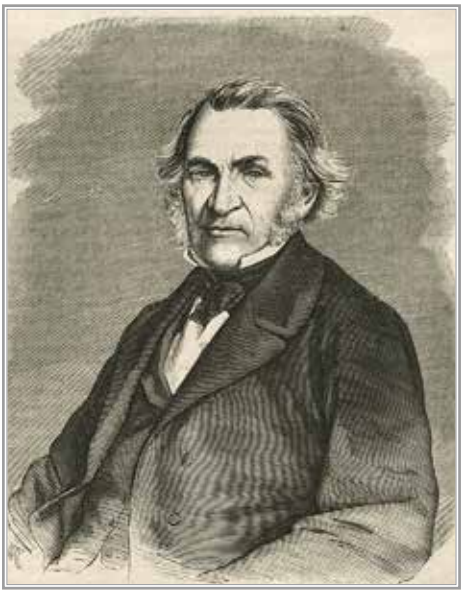
Развитие новой институциональной модели востоковедения в университете и в целом в Казани было связано с направлением исследования письменных памятников как историко-культурных источников — поиск, издание и перевод оригинальных текстов; изучение и публикация отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников; описание и каталогизация рукописей и книг и в целом источниковедческая систематизация рукописной и книжной коллекции народов Востока[6]. Эти направления формировались благодаря командировкам и путешествиям выпускников и преподавателей университета.

В 1840 г. журнал «Отечественные записки» так описывал данный феномен: «Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными за-

---

[5] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 34.

[6] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977; История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997; и др.



Осип Михайлович Ковалевский. *Гравюра с фотографии, 1864 г.*

ведениями, но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы парижского и лондонского "Азиатских журналов" — там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные — прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока»[7].

Целая эпоха в преподавании арабо-мусульманских языков и развитии востоковедения в России, в том числе в Казанском университете, связана с педагогической и научной деятельностью профессора Х.Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (1782–1851).

Ученик профессора Х.Д. Френа и первый казанский кандидат восточной словесности (1813 г.) Я.О. Ярцов (1792–1861) 19 мая 1816 г. успешно защитил магистерскую диссертацию «О восточных словах, находящихся в русском языке»[8], а уже 25 мая 1816 г. был утвержден в степени магистра восточной словесности.

Начало летописи научных путешествий из стен Казанского университета связано с фигурой Я.О. Ярцова и стало одной из первых университетских научных командировок его выпускников на мусульманский Восток. С января 1817 г. по январь 1818 г. Ярцов находился в составе рос-

---

7 Отечественные записки. 1840. Т. 9. Отд. Смесь. С. 16.

8 ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 11. Л. 11.

Христиан Данилович Френ. *Неизвестный художник*

сийского посольства в Иране на должности канцелярского чиновника[9]. В переписке между попечителем Казанского учебного округа и Министерством народного просвещения 29 декабря 1816 г. отмечалось, что, «пробыв некоторое время в Персии, он может совершенствоваться в восточных языках и заменить со временем профессора Френа, который собирается оставить Россию, и чрез сие Казанский университет лишится знаменитого и известного в Европе ученого мужа»[10]. По итогам данной поездки Я.О. Ярцов представил в Совет университета «Краткий журнал путешествия в Персию», «Дневные записки, веденные во время переезда от Тифлиса до Астрахани» и «Рассуждение о религии персиян». Магистр даже был награжден шахом знаком ордена Льва и Солнца второй степени за успехи в изучении фарси[11].

В представлении университетским отделением словесных наук Я.О. Ярцова к званию адъюнкта от 14 мая 1818 г. отмечалось, что он «оказал отличные успехи в языках восточных и по отбытии из университета проф. Френа остался единственным чиновником, который с пользою для дела и к чести самого университета, как бывший воспитанник оного, может занять место проф. Френа»[12].

---

9 ГА РТ. Ф. 92. Оп. Д. 822. Л. 1.

10 РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 192. Л. 3.

11 Там же. Л. 17.

12 ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 3. Л. 2.

Михаил Николаевич Мусин-Пушкин. *Неизвестный художник*

Переезд Ярцова со своим учителем Х.Д. Френом в Санкт-Петербург не позволил ему продолжить учебную и научную деятельность в Казанском университете. С утверждения в декабре 1818 г. Я.О. Ярцова в звании адъюнкта восточных языков Академии наук начался его петербургский период востоковедческой деятельности. В Академии наук Ярцов стал «первым русским адъюнктом по тюркским языкам»[13]. Ученый оставил заметный след в истории российского востоковедения XIX в.

Наиболее плодотворным этапом в развитии модели разряда восточной словесности в казанском университетском востоковедении и организации комплексных путешествий стали 1827–1854 гг., особенно связанные с деятельностью в Казанском учебном округе М.Н. Мусина-Пушкина и «великого строителя» ректора университета (1827–1845 гг.) Н.И. Лобачевского (1792–1856).

В декабре 1827 г. попечитель учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин, обосновывая «умножение» кафедр в университете, представленное в Министерство народного просвещения, считал эти перемены «первым началом учреждения при университете Восточного института, столь полезного для образования молодых людей, могущих быть употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с го-

[13] Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 403.

сударствами восточными и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. народов, там обитающих и России столь мало известных»[14].

В официальной идеологии и практике централизованного имперского государства в XIX — начале XX в. особо выделялось возрастание интереса к Востоку и развитию востоковедения. Формирование университетского востоковедения было тесно связано с развитием имперской восточной политики, расширением военно-политических контактов России и Азии, и наследие Востока активно входило в университетские программы и сообщество. Культ античности и официальный статус антиковедения, столь характерный для отечественных университетов, дополнялся образом Востока, ориенталистики и ориентализма на протяжении XIX в. В эпоху Петра I в парадигму государства и общества входили идеи о том, что Россия становится центром просвещения в Европе, что она уже отделяется от Азии. На рубеже XIX–XX вв. официальная идеология и российское просвещение и особенно университеты стремились изучить и осмыслить не только романтический, но и реальный Восток. В идеологии и деятельности университетского просвещения и сообщества Восток приобретал статус колыбели мировой науки, философии и религии. История восточных народов определяется в качестве важного звена в истории мировой цивилизации, и познание восточной словесности сыграет ключевую роль в просвещении и культуре России[15].

Официальная программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Выделяя общественный интерес к Востоку и трудности, оценивая состояние востоковедения в университете, он писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов, в оный входящих, недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того, казеннокоштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учители гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных оста-

[14] РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 5 об.

[15] *Уваров С.С.* Речь президента (имп.) Академии наук, попечителя С.-Петербургского учебного округа на торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818. С. 3–5; 6–11.

ются совершенно бесполезными как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют, наконец, совершенно свои занятия»[16].

Важными составляющими этой программы стали подготовка и организация путешествий на Ближний и Средний Восток, в Центральную Азию и Китай.

Ключевым итогом мероприятий стало образование институциональных основ разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг.: арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры.

Созданная в 1846 г. в университете кафедра калмыцкого языка, возглавляемая монголоведом и калмыковедом А.В. Поповым[17], к сожалению, не получила в дальнейшем организационного, научно-методического и исследовательского развития. О перспективности официальных мер свидетельствует планирование проектов в 40-х гг. XIX в. по открытию трех новых восточных кафедр — «индустанского», тибетского и еврейского языков[18].

Мы только обзорно выделили примечательные факты и процессы феномена развития научных дисциплин и дисциплинарности университетского востоковедения в России, в том числе в Казани. Широкая специализация и гуманитарная линия диктовалась не только внутренним ходом развития классического востоковедения, но также внешними политическими и социальными процессами во взаимоотношениях России–Востока–Запада.

В целом история образования и деятельности востоковедных кафедр Казанского университета имеет особое значение. В архивных фондах Санкт-Петербурга и Казани сохранился огромный источниковый материал. К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии по-

---

16 РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 1–1 об.

17 РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 78. «Дело об учреждении при Казанском университете кафедры калмыцкого языка и о присвоении проф. А.В. Попову звания ординарного профессора. 6 февраля 1843 — 15 сентября 1846 гг.» 61 л.; *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 221.

18 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.» 5 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1843 г.» 12 л.

дробно изучены только некоторые из этих университетских востоковедческих кафедр. В этой огромной по объему литературе не представлен разнообразный и комплексный архивный материал российских фондов, позволяющий обобщить историю и выявить особенности деятельности востоковедческих кафедр Казанского университета в XIX в. — первых двух десятилетиях XX в., а также в сравнительном плане с другими кафедрами отечественных и зарубежных университетов. Судьба восточных кафедр университета, их учебно-педагогическая, научная и просветительская роль была неоднозначной и порой трагичной. В первой половине XIX в. ведущую роль в Казанском университете играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому миру и Центральной Азии[19].

Формирование семи специализированных восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, несомненно, явилось для своего времени значительным событием в истории востоковедения в России и Европе. Подобной широкой востоковедной специализации и комплексности не было к середине XIX в. как в российских, так и европейских гуманитарных центрах.

Традиционные для данной эпохи университетского востоковедения формы и модели институционализации знания и науки о Востоке в России и Европе отмечаются в ряде центров Российской империи.

В Санкт-Петербургском университете кафедры арабской и персидской словесности были официально открыты 22 марта 1818 г. Первыми профессорами и преподавателями стали приглашенные представители французской ориенталистики И.Ф. Деманж (1789–1839), Ф.Ф. Шармуа (1793–1868), а также Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869).

Символичность 1818 г. в истории отечественного востоковедения также связана с открытием особого отделения «для медалей, рукописей и книг восточных под названием Восточного кабинета». В дальнейшем — знаменитый Азиатский музей, первым директором которого стал профессор Казанского университета Х.Д. Френ[20].

---

[19] Для сравнения отметим, что до создания факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете в 1854–1855 гг. в рамках разряда восточной словесности были учреждены самостоятельные кафедры арабской и персидской словесности (1816–1818 гг.), кафедра турецкого языка (1839 г.) и кафедры грузинского, армянского и азербайджанского языков (1844 г.).

[20] Азиатский музей Российской Академии наук. 1818–1918 гг. Краткая памятка. Пг., 1920; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972; Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский музей); отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2018.

Мирза Джафар Топчибашев. *С дагеротипа 1848 г.*

В 1829 г. приглашенный немецкий востоковед Б.А. Дорн возглавил кафедру восточной словесности в Харьковском университете. В 1829–1833 гг. он вел курсы арабского и персидского языков, преподавал санскрит, древнееврейский и, впервые в России, амхарский языки. В 1838–1842 гг. он вел санскрит, в 1856–1857 гг. преподавал афганский язык (пашто) на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета[21]. Вполне справедливо, что он как «востоковед широкого профиля, ученый, обладавший энциклопедическими знаниями, преподаватель многих восточных языков» и основоположник отечественной афганистики олицетворял формирующийся социальный тип крупного представителя академического и университетского востоковедения XIX в.[22], представленного прежде всего в Казани и Санкт-Петербурге.

Кстати, надо отметить, что европейские ученые-востоковеды, приглашенные в Академию наук и российские университеты в XVIII — первой половине XIX в., также совершили символическое путешествие на Восток, поскольку в европейском сознании Россия была политическим и социокультурным пространством Азии.

В летописи приезда в Россию и российско-немецких связей в области отечественного востоковедения особое место принадлежит

---

[21] *Колесников А.И., Лужецкая Н.А.* Выдающийся востоковед академик Б.А. Дорн // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 5–15.

[22] *Куликова А.М.* Б.А. Дорн и университетское востоковедение в России // Народы Азии и Африки. 1975. № 2. С. 220–228.

Х.Д. Френу, а также его соратникам и коллегам, в том числе выпускникам университетов Германии и представителям немецкого ориентализма в России, а именно таким ученым, как Готлиб Зигфрид Теофил Байер (1694–1738) («первый в России академик-востоковед»), Иоганн Готфрид Баренд (1761–1805) («первый в России университетский профессор востоковедения»), Альбрехт Бернгардт Дорн (1805–1881) («впервые в России стал вести курс эфиопского языка») и др. Судьба их востоковедного научного творчества в Германии и России имеет много общего и особенного.

Мусульманский Восток и Центральная Азия: университетские путешествия

Наиболее значимой и отличительной особенностью формирования университетского востоковедения в Казани в первой половине XIX в. и в целом в России стали образовательные и научные путешествия на мусульманский Восток и в Центральную Азию.

Наряду с практическими занятиями с природными носителями живых азиатских языков непосредственное знакомство воспитанников с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стало важной чертой казанской школы востоковедов XIX — начала XIX в.

В архивных фондах Казани, Москвы и в отечественной историографии представлен огромный материал, посвященный научным путешествиям воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета в первой половине XIX в. — О. Ковалевского и А. Попова в Центральную Азию (Сибирь, Монголию, Китай) (1828–1833 гг.), В. Васильева в Китай в составе Пекинской духовной миссии (1840–1850 гг.) и И. Березина и В. Диттеля на Ближний Восток (1842–1845 гг.).

Они начали свою творческую деятельность, и их путешествия обозначили эпоху, по образной оценке С.Ф. Ольденбурга, когда Восток «... только что открылся удивленной Европе, когда все восточное относили далеко назад, в глубь веков, и когда на Востоке искали первые проблески человеческой мысли»[23].

Традиция научных путешествий в страны Востока сохранялась и развивалась в казанском востоковедении во второй половине XIX — начале

[23] *Ольденбург С.Ф.* Этюды о людях науки / Сост. А.А. Вигасин. М., 2012. С. 155.

XIX в. Данная тема заслуживает особого изучения и презентации, о которых можно сообщить читателям журнала в дальнейшем.

Их научные путешествия из стен Казанского университета были связаны с геополитическими и особенно образовательными и научными задачами.

Эти командировки и научные путешествия на Восток обозначили новый качественный рубеж в полевом изучении географии, истории и культуры восточных народов в российских университетах, особенно ярко проявившийся в миссии Академии наук, восточного факультета Санкт-Петербургского университета и других научных центров и обществ во второй половине XIX в. — первые десятилетия XX в.

Благодаря организации путешествий И.Н. Березина и В.Ф. Диттеля арабистика, иранистика, тюркология и в целом арабо-мусульманские штудии как комплекс знаний и научные направления ориенталистики по истории и культуре мусульманских народов становились органической сферой отечественной науки, культуры Российского государства и общества. Заметна эпоха рождения научных и культурных традиций отечественных арабо-мусульманских штудий. Феномен этого рубежа мы связываем прежде всего с истоками классической арабистики, иранистики, тюркологии, османистики и других научных дисциплин в России — систематическим и комплексным освоением, изучением и преподаванием арабского, персидского и тюркских и в целом мусульманских языков, письменных и материальных памятников и осмыслением исторического и современного политического, историко-географического и этнокультурного арабо-мусульманского наследия.

В 1822 г. по поручению Совета университета Ф. Эрдман и К. Фукс готовят свои предложения для инструкции путешественникам по России и Армении, которые должны заниматься собиранием «отечественных и татарских древностей в памятниках, рукописях, медалях, преданиях»[24]. Эти и другие факты ярко подтверждают феномен исключительной роли научных путешествий в истории востоковедения в университете и в целом в жизни университетского сообщества Казани.

В 1829–1834 гг. отделение словесных наук, Совет Казанского университета и академики — востоковеды Х.Д. Френ и Я.И. Шмидт обсуждали предложение профессора Ф. Эрдмана «о составлении словаря татар-

[24] В фонде университета (ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 61. Л. 2–3) сохранился латинский текст инструкции путешественникам по отечественным и татарским древностям «в памятниках, рукописях, медалях и преданиях» Ф. Эрдмана.

Илья Николаевич Березин. *Гравюра с фотографии*

ского языка». Он писал: «... Странно должно показаться всякому, что мы, будучи окружены татарами со всех сторон, до сих пор еще не имеем совершенного понятия о Татарском языке во всем его объеме и различных отраслях; мы не можем даже показать ни подробной, систематически изложенной Грамматики, ни словаря, не только полного, но даже и средственного, не можем, наконец, вычислить всех существующих на сем языке сочинений. Все то, что ни сделано в сем отношении, едва ли заслуживает быть упомянутым. Между тем вся ученая Европа ожидает от нас и в праве ожидать распространения всех сих сведений...»[25] Ф. Эрдман предложил отправить специалиста, знающего восточные языки, в Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую и Тобольскую губернии для сбора лингвистического материала. Собранный материал должен был лечь в основу «полной грамматики» и словаря, «который бы обнимал весь Татарский диалект во всех его различных отраслях, и к подробному и верному изложению Истории Татарской Литературы»[26].

В университетской инструкции для путешествующих по Ближнему Востоку И. Березина и В. Диттеля было особо подчеркнуто: «Как путешествие по Востоку представляет обширные виды приобретения для университета разных редких восточных рукописей и книг, то с этой целью будет отпускаться Вам ежегодно обоим вместе по триста рублей.

[25] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3110. Л. 1–1 об.

[26] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3110. Л. 2.

А дабы Вы положительно знали, каких именно сочинений приобретение наиболее важно и желательно, то... (прилагаются. — *Р.В., Р.З., Д.М.*) а) печатный хронологический список ста восточных рукописей, составленный г. Академиком Френом; б) печатный... хронологический список некоторых Армянских историков и рукописных сочинений других литератур Грузинского и Кавказского краев; с) рукописный дополнительный список, составленный гг. профессорами Эрдманом и Казембеком»[27].

Научное путешествие в 1842–1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока — Кавказа, Ирака, Ирана, Сирии, Палестины, Египта и Турции — воспитанников разряда восточной словесности И. Березина (1818–1896) и В. Диттеля (1816–1848) получило обзорное освещение в российской историографии[28]. Они также привезли в университет арабо-мусульманские рукописи. Среди них, например, выделяется трактат о канонических телах греческого математика Аполлония из Перги в переводе Хиляля ибн Абу Хиляля, датируемый XI в.[29], и др.

Современный историк российской ассириологии пишет о вкладе В. Диттеля: «В 1842–1845 гг., путешествуя по Переднему Востоку, он открыл несколько ранее неизвестных клинописных надписей на территории Персеполя (одна из столиц ахеменидских царей) и на скале Накши-Рустам (несколько километров к северу от Персеполя, где высечены гробницы четырех ахеменидских царей, в том числе Дария I (521–486 гг. до н.э.) и Ксеркса (486–464 гг. до н.э.). Вместе с датским путешественником Н. Вестергардом В.Ф. Диттель снял копии с Накширустамских надписей Дария I (Диттель, 1847, с. 12). Эламский вариант Накширустамской надписи DN-Ra В.Ф. Диттель предоставил Г. Роулинсону, известному дипломату и выдающемуся английскому ассириологу, и этим существенно помог последнему в его работе над дешифровкой клинописи»[30].

Значимым научным итогом путешествия И.Н. Березина по Ближнему Востоку стали его работы, связанные с обзором трехлетнего пу-

---

27 ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 3.

28 *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 429–430; *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972. С. 86–96; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 200–203 и др.

29 *Фролова О.Б., Дерягина Т.П.* Арабские рукописи восточного отдела библиотеки Санкт-Петербургского университета: Краткий каталог. СПб., 1996. С. 151.

30 *Каплан Г.Х.* Роль русских исследователей в зарождении ассириологии // Письменные памятники Востока. 2010. № 1(12). С. 255.

тешествия по Востоку[31], и арабские диалоги, собранные во время путешествия, которые свидетельствуют об исследовательском интересе к сложной проблеме диалектов арабского языка Месопотамии, Сирии и Египта. Академик И.Ю. Крачковский, оценивая изданную на французском языке в 1857 г. работу И.Н. Березина[32] в сравнении с работами европейских и отечественных арабистов в этой области, писал: «Березин не был арабистом и тем более диалектологом; однако разбор отмеченных работ показывает, что и в этой области его труды представляют положительный факт в науке. В русской арабистике он дает прочное звено в ряду мало известных работ русских ученых по диалектологии, которые, однако, представляют непрерывную цепь: от записей и замечаний первого русского арабиста в Петербургском университете Сенковского до грамматического очерка и собрания пословиц, записанных в Сирии Гиргасом в 60-х г.»[33].

Путешествия университетских востоковедов в первой половине — середине XIX в. — это не только продолжение известных традиций «хождений» на мусульманский Восток, характерных для российского и европейского обществ XVII–XVIII вв. На первом плане для путешественников было уже не увлечение экзотичностью и романтикой истории и культуры мусульманских народов, а исследовательские и социокультурные потребности научного исследования мира ислама.

В университетское востоковедение первой половины XIX в. был привнесен живой, неповторимый и уникальный Восток, хорошо знакомый по личным наблюдениям и впечатлениям.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на оригинальное сочинение О.И. Сенковского «Способности и мнения новейших путешественников по Востоку» (1835), которое оказало огромное влияние на развитие казанского университетского востоковедения первой половины XIX в. Оценивая описания европейских путешествий на Восток, О.И. Сенковский писал: «Во всех этих безчисленных томах нет ни од-

---

31 *Березин И.Н.* Путешествие по Востоку. I. Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами замечательных мест. II. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1850–1852.

32 *Berésine E.* Guide du vayegeur (voyageur) en Orient, Dialogues arabes d'aprés trois principaux dialects: de Mesopotamie, de Syrie et d'Egypte. Moscou et St-Pétersbourgh, 1857 (*Березин И.* Путеводитель путешественника по Востоку, арабские диалоги в соответствии с тремя принципиальными диалектами: Месопотамии, Сирии и Египта. Москва и Санкт-Петербург, 1857).

33 *Крачковский И.Ю.* Мелочи для характеристики И.Н. Березина // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 228.

ного наблюдения, которое бы показывало, что ум сочинителя был в состоянии чувствовать важность современных фактов Востока и необходимость найти для них настоящее объяснение»[34]. Обращаясь к исследователям Османской империи, он отмечал: «Чтобы понять Турцию, надобно сперва освободиться от огромной тяжести своих предрассудков. Выражения, которые он употребляет в Европе... очень неверно изображают различные части общественного порядка на Востоке, так что... он должен выучиться мыслить на чуждом ему языке... Оценивая восточное общество, вы должны разыскать и определить их, создать новую науку и привыкнуть рассуждать по другим началам и другой логике»[35]. Подобного рода и другие позитивные установки и принципы профессиональных востоковедов из университетских центров России обозначили появление новой информации и знаний об азиатских народах, кардинальное изменение статуса Востока в историческом мировидении и формирование парадигмы российского классического востоковедения.

Значимой университетской традицией в Казани, в том числе благодаря научным путешествиям, становится открытие научной и просветительской мыслью географического и историко-культурного пространства Сибири, Монголии и Китая.

В Казанском университете сформировались и развивались монголоведение, бурятоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение. Благодаря трудам востоковедов — О.М. Ковалевского (1800/01–1878)[36], А.В. Попова (1808–1865), архимандрита Даниила (1798–1871), И.П. Войцеховского (1793–1850), В.П. Васильева (1818–1900) и других преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер.

В апреле 1835 г. в связи с определением в Первую Казанскую гимназию пяти молодых бурят, в том числе ламы Г. Никитуева, отмечалось, что «Россия приобретет ту славу, что ученые ея первые в Европе начнут разрабатывать богатую, но еще неприступную для изысканий сокровищницу языка Тибетского»[37].

---

[34] Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 6. С. 72.

[35] Там же. С. 74–75.

[36] См.: Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р.М. Валеев, И.В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020.

[37] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 3 об.

Обучение в гимназии молодых бурят — Доржи Банзарова, Цокто Чимитова, Гырыла Бадаева, Доржи Бумитуева и ламы Галсана Никитуева имело огромное значение для развития культуры бурятского народа. Учеба Доржи Банзарова на разряде восточной словесности и его научные труды являются ярким свидетельством формирования в Казанском университете национальных научных гуманитарных школ.

Ламе Г. Никитуеву с первых дней в Казани было предложено «заниматься преподаваемыми в Гимназии предметами по его собственному усмотрению; в особенности же возложить на него практические упражнения в разговорах с воспитанниками, обучающимися монгольскому языку, и с двумя казеннокоштными студентами университета — Васильевым и с Навроцким, которые для этой цели помещены... в Первую гимназию... С Васильевым Лама сверх того должен заниматься и языком Тибетским»[38]. С августа 1836 г. Г. Никитуев занимался практическим монгольским языком с действительным студентом Сергеем Протопоповым.

Образовательные и научные дисциплины, ориентированные на Центральную и Восточную Азию, расширили рамки классического университетского востоковедения 30–50-х гг. XIX в. в России, в первую очередь связанного с языками и письменностью мусульманского Востока.

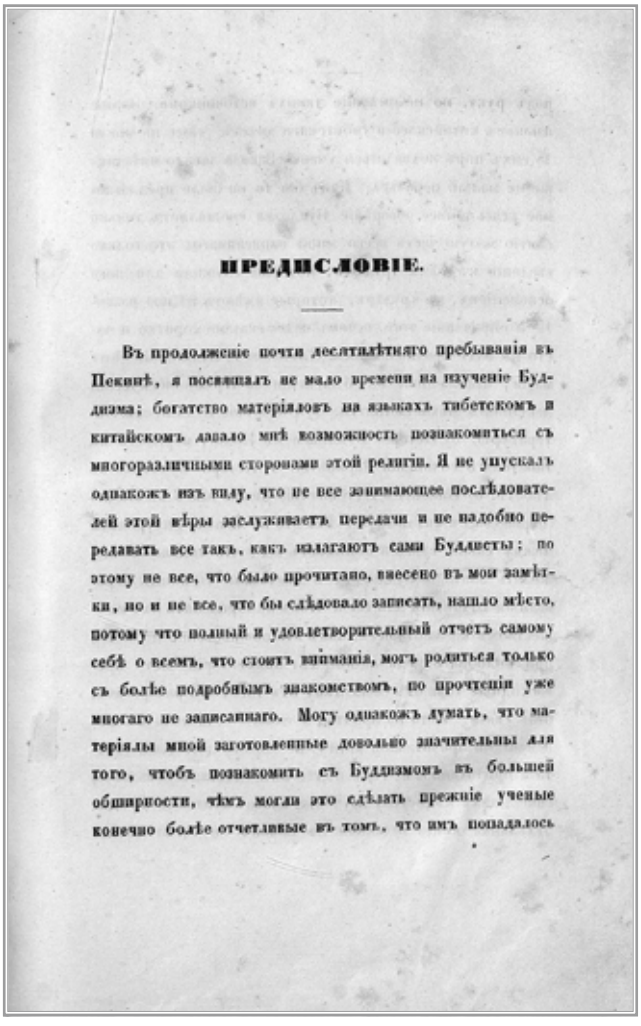
После переезда в Санкт-Петербург в 1857 г. выпускник и профессор Казанского университета и профессор столичного университета В.П. Васильев, выделяя значимость собранных восточных рукописей и книг по итогам научных путешествий, а также роли библиотечных фондов, писал: «Библиотека Санкт-Петербургского университета может считать свое существование еще только месяцами. Она привезена вся в целости недавно из Казани по случаю... открытия в Санкт-Петербургском [университете] расширенного преподавания восточных языков, между которыми нашли место китайский, маньчжурский и монгольский. Следовательно, история нашей библиотеки, за исключением шкафов, вся принадлежит Казани»[39].

Формирование и развитие научных дисциплин в Казани, связанных с центральноазиатскими ареалами, были обусловлены общим уровнем востоковедных исследований в академических и университетских центрах России и Европы, подготовкой специалистов в данных обла-

---

[38] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 42 об.

[39] *Васильев В.П.* Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Т. 11. № 7. С. 322.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ продолженіе почти десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, я посвящалъ не мало времени на изученіе Буддизма; богатство матеріяловъ на языкахъ тибетскомъ и китайскомъ давало мнѣ возможность познакомиться съ многоразличными сторонами этой религіи. Я не упускалъ однакожъ изъ виду, что не все занимающее послѣдователей этой вѣры заслуживаетъ передачи и не надобно передавать все такъ, какъ излагаютъ сами Буддисты; по этому не все, что было прочитано, внесено въ мои замѣтки, но и не все, что бы слѣдовало записать, нашло мѣсто, потому что полный и удовлетворительный отчетъ самому себѣ о всемъ, что стоитъ вниманія, могъ родиться только съ болѣе подробнымъ знакомствомъ, по прочтеніи уже многаго не записаннаго. Могу однакожъ думать, что матеріялы мной заготовленные довольно значительны для того, чтобъ познакомить съ Буддизмомъ въ большей обширности, чѣмъ могли это сдѣлать прежніе ученые конечно болѣе отчетливые въ томъ, что имъ попадалось

Первый лист предисловия работы В.П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература». *СПб., 1857 г.*

стях и интересами казанских монголоведов и китаеведов. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии и Цинского Китая, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Эти основные направления исследований формировались на базе командировок и путешествий и определялись не только прикладными интересами Российской империи, но и научными целями.

В июне 1833 г. после научного путешествия О. Ковалевский и А. Попов были проэкзаменованы академиком Я.И. Шмидтом и в июле

1833 г. назначены адъюнктами монгольского языка в Казанском университете[40]. По итогам экзамена кандидатов университета академик Я.И. Шмидт записал: «Итак, я могу не только по доброй совести, но и с полным убеждением рекомендовать обоих, гг. Ковалевского и Попова, на звание преподавателей Монгольского языка в случае, если при Казанском Университете учреждена будет для сего языка кафедра. Это первые питомцы Русского университета, которые с успехом шествовали сею стезею, первые, которые могут явиться наставниками по такому предмету, на который не было обращаемо внимания, потому что недоставало людей, которые могли бы служить руководителями»[41].

В летописи научных и этнокультурных связей первой половины — середины XIX в. органичным наследием выделяются монголоведы — Г. Никитуев (род. н. 1808 — ?), Г. Гомбоев (1822–1863), Д. Банзаров (ок.1822–1855), К.Ф. Голстунский (1831–1899) и А.А. Бобровников (1821–1865).

В марте — апреле 1833 г. О. Ковалевский и А. Попов разбирали коллекцию монгольских рукописей и книг, привезенных из научного путешествия, отмечая «на каждом сочинении монгольское заглавие русскими буквами, присовокупляя вкратце содержание на русском языке; далее разделили все книги и рукописи числом до 179 сочинений на четыре отделения..., составили оным полный каталог...»[42].

Университет в 1835 г. приобрел коллекцию О.М. Ковалевского. Данное собрание, состоящее из 1272 наименований, включало в себя китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и этнографическую коллекцию (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и др.)[43]. Основу книжной коллекции составляли монгольские, маньчжурские и китайские календари, китайский перевод Нового Завета Моррисона, китайский библиографический каталог грамматики, рукописи на маньчжурском языке. По современной оценке В.Л. Успенского: обширная коллекция книг на восточных языках была собрана О. Ковалевским во время его пребывания в Забайкалье, в Монголии и Пекине в 1828–1833 гг. Сам Ковалевский составил каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библио-

40 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7–8.

41 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7 об.

42 Там же. Л. 17–17 об.

43 Там же. Д. 4251. Л. 6–17.

теке Императорского Казанского университета хранящимся, который опубликовал в 1834 г.[44]

Монгольская коллекция О.М. Ковалевского включала старомонгольские книги: двуязычные тибетско-монгольские учебные словари «Океан имен», «Легкий для понимания»; терминологический словарь буддизма «Источник мудрецов»; различные многоязычные маньчжуро-монгольско-тибетско-китайские словари и разнородные монгольские книги, напечатанные в Пекине и в различных буддийских центрах[45]. Среди разнородных китайских книг О.М. Ковалевского, поступивших в библиотеку университета, выделялись историческое сочинение «Всеохватывающее зерцало в помощь управляющим», сборник стихов императора Канси «Бегство от жары в летнее время» и оригинальные книжные собрания Китая и др.

Университетское китаеведение, маньчжуроведение и истоки тибетоведения в Казани до 1855 г. тесно связаны с традициями и участниками известной Пекинской духовной миссии — архимандритом Даниилом (1798–1871, Пекин, 1821–1830), И.П. Войцеховским (1793–1850, Пекин, 1819–1831) и воспитанником восточного разряда, также членом миссии в 1839–1850 гг. В.П. Васильевым (1818–1890). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых в казанский период творчества, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли существенный вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии.

Университетская кафедра китайской словесности (1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

В отечественном востоковедении XVIII – начала XX в. огромный интерес вызывал Китай, и особую роль в развитии российско-китайских связей и становлении российского китаеведения в Казанском университете сыграла Пекинская духовная миссия, куда также стали отправляться представители университетских центров.

---

[44] Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / Под ред. В.Л. Успенского. СПб., 2014. С. 136.

[45] *Успенский В.Л.* Коллекция О.М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие. Казань, 2004. С. 231–250.

В истории российского университетского востоковедения и китаеведения первой половины XIX в. важное место занимают научные путешествия в Китай и участие в составе Пекинской духовной миссии монголоведа О.М. Ковалевского и китаеведа В.П. Васильева.

Казанский период учебы на разряде восточной словесности и научно-педагогической деятельности В.П. Васильева (1834–1855 гг.) в Казанском университете стал переломным рубежом в истории отечественной монголистики, китаеведения, буддологии и тибетологии.

Завершая обзор научных путешествий на Восток из Казанского университета первой половины XIX в., выделим только некоторые страницы подготовки и пребывания В.П. Васильева в Пекине.

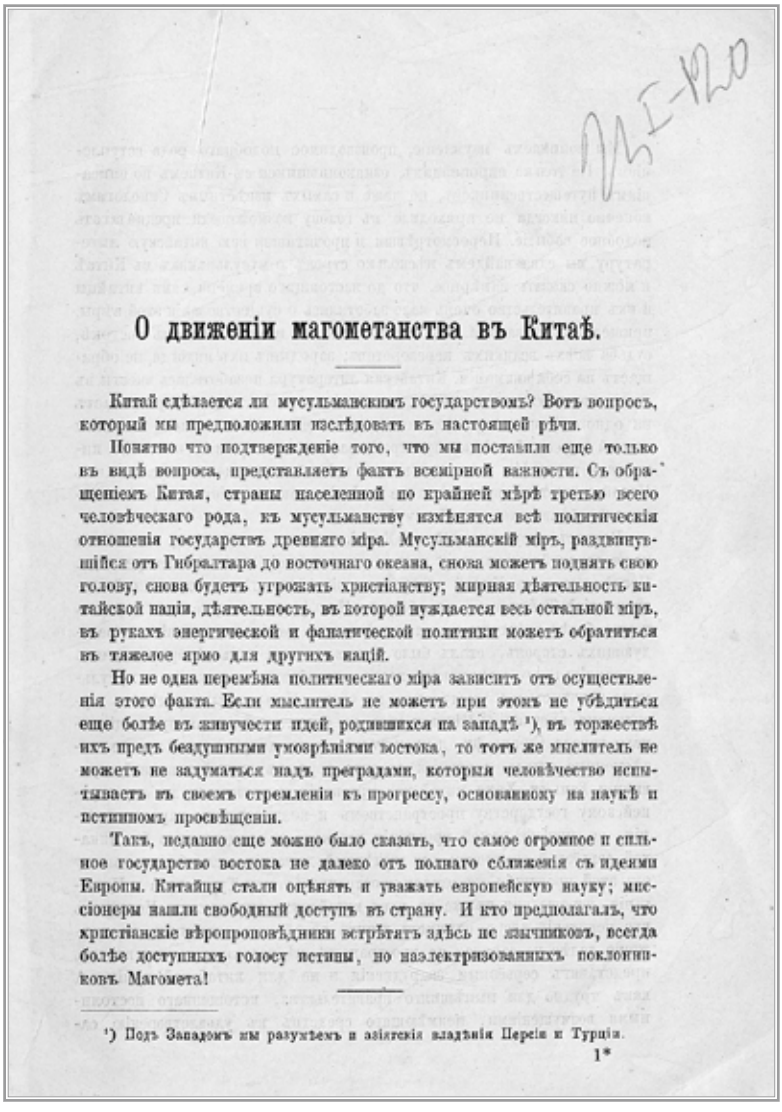
Истоки образовательной подготовки будущих монголоведов, синологов и буддологов в Казанском университете для научного путешествия в составе Пекинской духовной миссии связаны с интересными архивными материалами, касающимися биографий и наследия российских востоковедов.

В марте 1838 г. профессор китайского языка архимандрит Даниил, выделяя студентов, показывающих усердие и успехи в изучении китайского языка, писал: «Таковой воспитанник... мог бы быть способен и с пользою для себя, как и для отечественного употребления, совершенствовать себя и дальше в предметах восточных языков, находясь в числе студентов духовной миссии, скоро имеющей быть отправленной в Пекин»[46].

Среди этих воспитанников, планируемых для включения в состав Пекинской духовной миссии, были: С. Рушко (выпускник восточного разряда университета 1841 г., преподаватель китайского языка в гимназии и университете в 1841–1845 гг.), В. Васильев (выпускник восточного разряда университета 1837 г., преподаватель китайского языка в Казанском университете в 1851–1855 гг. и преподаватель китайского и маньчжурского языков в Петербургском университете в 1855–1900 гг.) и М. Навроцкий (выпускник восточного разряда университета 1846 г., преподаватель арабского языка в Казанском университете в 1846–1855 гг. и Петербургском университете в 1855–1871 гг.).

Попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин (1795–1862) просил оценить знания студентов, намереваясь впоследствии С. Рушко «отправить в Пекин для усовершенствования в языке китайском», В. Васильева для «усовершенствования в языке тибетском»,

[46] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 10.



О движеніи магометанства въ Китаѣ.

Китай сдѣлается ли мусульманскимъ государствомъ? Вотъ вопросъ, который мы предположили изслѣдовать въ настоящей рѣчи.

Понятно что подтвержденіе того, что мы поставили еще только въ видѣ вопроса, представляетъ фактъ всемірной важности. Съ обращеніемъ Китая, страны населенной по крайней мѣрѣ третью всего человѣческаго рода, къ мусульманству измѣнятся всѣ политическія отношенія государствъ древняго міра. Мусульманскій міръ, раздвинувшійся отъ Гибралтара до восточнаго океана, снова можетъ поднять свою голову, снова будетъ угрожать христіанству; мирная дѣятельность китайской націи, дѣятельность, въ которой нуждается весь остальной міръ, въ рукахъ энергической и фанатической политики можетъ обратиться въ тяжелое ярмо для другихъ націй.

Но не одна перемѣна политическаго міра зависитъ отъ осуществленія этого факта. Если мыслитель не можетъ при этомъ не убѣдиться еще болѣе въ живучести идей, родившихся на западѣ [1]), въ торжествѣ ихъ предъ бездушными умозрѣніями востока, то тотъ же мыслитель не можетъ не задуматься надъ преградами, которыя человѣчество испытываетъ въ своемъ стремленіи къ прогрессу, основанному на наукѣ и истинномъ просвѣщеніи.

Такъ, недавно еще можно было сказать, что самое огромное и сильное государство востока не далеко отъ полнаго сближенія съ идеями Европы. Китайцы стали оцѣнять и уважать европейскую науку; миссіонеры нашли свободный доступъ въ страну. И кто предполагалъ, что христіанскіе вѣропроповѣдники встрѣтятъ здѣсь не язычниковъ, всегда болѣе доступныхъ голосу истины, но наэлектризованныхъ поклонниковъ Магомета!

[1]) Подъ Западомъ мы разумѣемъ и азіятскія владѣнія Персіи и Турціи.

1*

Страница работы академика В.П. Васильева «О движении магометанства в Китае». *СПб., 1867 г.*

а студента М. Навроцкого «для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского»[47].

Отправка студентов Казанского университета в Китай планировалась в составе духовной миссии, представлявшей на тот момент одну из немногих официальных возможностей посетить Срединную империю. С XVII в. миссия являлась единственным центром для подготовки в России знатоков китайского и маньчжурского языков. В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайско-

[47] Там же. Л. 1–3 об.

го и монгольского языков, а также истории, культуры и религии народов Цинской империи и сопредельных государств и обществ.

В марте 1838 г. преподаватели китайского и монгольского языков архимандрит Даниил и Осип Ковалевский положительно оценили успехи вышеупомянутых студентов и отметили, что отправление их на стажировку за границу «послужит единственным средством доставить им все возможные способы к приобретению основательных познаний в восточных языках». Выделяя перспективы изучения тибетского языка, ординарный профессор Осип Ковалевский, посещавший в 1831 г. Пекин в составе XI Пекинской духовной миссии, отмечал, что «в Китайской столице, сколько мне известно, находятся тысячи лам из природных тибетцев, а в том числе и таких, которые знают язык санскритский и разные индийские наречия»[48].

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В. Васильева, выдержавшего испытания на степень магистра[49].

С отъездом В. Васильева из Казани 20 января 1840 г. в составе XII духовной миссии в научное путешествие в Китай открывалась новая страница в жизни молодого ученого, где, по его словам, родились «многие его мысли и взгляды». Уникальная образовательная и научная командировка В.П. Васильева в Пекин (с января 1840 г. по сентябрь 1850 г.), продолжавшая традиции научных путешествий в истории российского востоковедения и китаеведения XIX в., сыграла исключительную роль в его научной судьбе и в феномене российско-китайских научных и культурных связей[50].

Научное путешествие В.П. Васильева — переломный этап в истории отечественной и европейской синологии XIX в. В истории Российской духовной миссии в Пекине (1715–1864 гг.) впервые к ней был специально прикомандирован выпускник российского университета и магистр восточной словесности. В Пекине он развил наблюдательность, память и удивительную способность научной работы над оригинальными клас-

---

48 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 3 об.

49 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 14.

50 Подробнее см.: Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева , В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021.

сическими текстами. Именно в этот период сформировались особенные черты характера его личности — скептицизм, упорство, настойчивость и твердость. В основном сформировался в наследии В.П. Васильева основательный научный фундамент разносторонних знаний об истории и культуре народов Китая и положил новый этап академических исследований в России и Европе.

REFERENCES

1. Academician-orientalist V.P. Vasil'ev: Kazan' — Beijing — St. Petersburg (Essays and materials) [Akademik-vostokoved V.P. Vasil'ev: Kazan' — Pekin — Sankt-Peterburg (Ocherki i materialy)] / R.M. Valeev, X. Valravens, V.G. Dacyshen et al.; Compilation by T.A. Pan; Executive ed. by R.M. Valeev and I.V. Kul'ganek. St. Petersburg–Kazan', 2021 (in Russian).
2. Asian Museum — Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences [Aziatskiy muzey — Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya AN SSSR]. Moscow, 1972 (in Russian).
3. Asian Museum — Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Guidebook' [Aziatskiy muzey — Institut vostochnykh rukopisey RAN: Putevoditel'] / Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Asian Museum) [Institut vostochnykh rukopisey RAN (Aziatskiy Muzey)]. Executive ed. by I.F. Popova. Moscow, 2018 (in Russian).
4. *Bartol'd V.V.* Essays. Vol. IX. Works on the history of oriental studies [Sochineniya. T. IX. Raboty po istorii vostokovedeniya]. Moscow, 1977 (in Russian).
5. *Berezin I.N.* Traveling around the East. I. Travel through Dagestan and Transcaucasus. With maps, plans and views of wonderful places. II. Travel through Northern Persia [Puteshestvie po Vostoku. I. Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkaz'yu. S kartami, planami i vidami zamechatel'nykh mest. II. Puteshestvie po Severnoy Persii]. Kazan', 1850–1852 (in Russian).
6. Biography and scientific heritage of the orientalist O.M. Kovalevsky (based on materials from archives and manuscript collections) [Biografiya i nauchnoe nasledie vostokoveda O.M. Kovalevskogo (po materialam arkhivov i rukopisnykh fondov)] / R.M. Valeev, V.Yu. Zhukov, I.V. Kul'ganek et al.; Executive and sci. ed. by R.M. Valeev and I.V. Kul'ganek. St. Petersburg–Kazan': Peterburgskoe vostokovedenie, 2020 (in Russian).
7. Collected works of Senkovsky (Baron Brambeus) [Sobranie sochineniy Senkovskogo (Barona Brambeusa)]. Vol. 6. St. Petersburg, 1858 (in Russian).

8. *Dancig B.M.* The Middle East in Russian science and literature [Blizhniy Vostok v russkoy nauke i literature]. Moscow, 1973 (in Russian).
9. History of Russian Oriental studies until the middle of 19th century [Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka]. Moscow, 1990 (in Russian).
10. History of Russian Oriental studies from the middle of 19th century to 1917 [Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda]. Moscow, 1997 (in Russian).
11. *Kulikova A.M.* Oriental studies in Russian legislative acts (end of the 17th century — 1917) [Vostokovedenie v rossiyskikh zakonodatel'nykh aktakh (konets XVII v. — 1917 g.)]. St. Petersburg, 1994 (in Russian).
12. *Mazitova N.A.* Study of the Near and Middle East at Kazan University (first half of the 19th century) [Izuchenie Blizhnego i Srednego Vostoka v Kazanskom universitete (pervaya polovina XIX veka)]. Kazan', 1972 (in Russian).
13. *Ol'denburg S.F.* Sketches about people of science [Etyudy o lyudyakh nauki]. Compilation by A.A. Vigasin. Moscow, 2012 (in Russian).
14. *Uspenskiy V.L.* Collection of O.M. Kovalevsky to the collection of oriental manuscripts and woodcuts of the library of St. Petersburg University [Kollektsiya O.M. Kovalevskogo v sobranii vostochnykh rukopisey i ksilografov biblioteki Sankt-Peterburgskogo universiteta] / Mongolian expert O.M. Kovalevsky: Biography and heritage [Mongoloved O.M. Kovalevskiy: Biografiya i nasledie]. Kazan', 2004. pp. 231–250 (in Russian).
15. *Vasil'ev V.P.* Note on oriental books in St. Petersburg University [Zapiska o vostochnykh knigakh v S.-Peterburgskom universitete] // Russian Herald [Russkiy vestnik]. 1857. Vol. 11. № 7 (in Russian).
16. *Zagoskin N.P.* History of the Imperial Kazan University [Istoriya imperatorskogo Kazanskogo universiteta]. Vol. 1. Kazan', 1902 (in Russian).

Благодарность

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ (проекты № 23-28-10046 и № 24-28-00440) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

Валеева Роза Закариевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

Ключевые слова:

Россия, Восток, востоковедение, история востоковедения, российское академическое и университетское востоковедение, востоковеды, наследие востоковедов, путешествия на Восток.

Ramil M. Valeev, Roza Z. Valeeva, Dmitry E. Martynov

SCIENTIFIC TRAVELS OF KAZAN ORIENTALISTS TO ASIAN RUSSIA AND THE FOREIGN EAST (THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

The phenomenon of scientific travel and expeditions of scientists and practitioners was vividly manifested in the European and Russian oriental studies of Modern Times (18th – beginning of the 20th century) and became one of the remarkable research and cultural traditions and innovations.

The purpose of this article, without pretending to generalize coverage, is to address the events, stages, directions, results, and specifics of the travels of graduates and scientists of the Kazan Center of Oriental Studies of the first half of the 19th century.

In the first half of the 19th century, university trips to the East were dominated by rational scientific discourse, educational, educational, and scientific tasks that became an important component of Oriental studies in Kazan and in Russia as a whole. It is enough to single out the cycle of travels of Ya.O. Yartsov to Persia; I.N. Berezin and V.F. Dittel to the Near and Middle East; O.M. Kovalevsky and A.V. Popov to Central Asia; V.P. Vasiliev as part of the Beijing spiritual mission to Qing China, which are of great importance in the history of Russian and European orientalism and historical and cultural significance.

Key words: Russia, the East, Oriental studies, the History of Oriental Studies, Russian Academic and University Oriental Studies, Orientalists, the Heritage of Orientalists, Travels to the East.

Valeev Ramil Mirgasimovich – Doctor of History, Professor at the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University.

Valeeva Roza Zakarievna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Dean, Faculty of Linguistics and International Communication, Kazan Innovative University.

Martynov Dmitry Evgenyevich – Doctor of History, Professor at the Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University.